

ДЕНЬ НОЛЬ

Эдуард Чудуров

Эдуард Чубуров

День ноль

<https://litres.ru/74241847>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Виктора было всё: любящая жена, ожидание ребёнка и стабильная работа. Но в один момент он вынужден бежать из России в Китай из-за возможного уголовного преследования — чтобы заработать деньги и обеспечить жену на время беременности.

Пока Виктор находится в Китае, в мире случается катаклизм, который выводит из строя всю электронику и технику, а электричество перестаёт существовать. Теперь Виктору нужно дойти из Китая до России, чтобы вернуться к жене, но его путь не будет лёгким.

Содержание

ДЕНЬ НОЛЬ	4
ДЕНЬ 813	5
ДЕНЬ 0	16
ДЕНЬ 1	22
ДЕНЬ 142	26
ДЕНЬ 143	38
ДЕНЬ 426	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эдуард Чубуров

День ноль

ДЕНЬ НОЛЬ

© Эдуард Чубуров, автор текста, 2026

© Евсеев Лев Викторович, дизайн обложки, 2026

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными — без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Все персонажи и события являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живущими или умершими, случайно.

ДЕНЬ 813

Прошло достаточно времени с тех событий, о которых я напишу далее, и чуть более двух лет с того вечера, когда всё началось. И если ты читаешь конкретно эту строку, то будь уверен: я выжил, хотя впоследствии ты поймёшь, что это всё только благодаря случайностям, а не удаче. Да, за все эти дни я научился отличать удачу от случайности. Удача — это когда ты сделал минимум действий, но получил желаемый результат. Случайность — это когда ты делал всё, чтобы не попасть в неприятную ситуацию, но ты в неё всё равно попал, однако каким-то образом ситуация для тебя решилась лучше, чем могла. Поэтому все эти дни меня спасали только случайности.

Сегодня восемьсот тринадцатый день с момента, когда мир необратимо изменился. Давай я введу тебя в курс дела, прежде чем начинать мою историю с самого начала. Чуть более двух лет назад случился катаклизм, которого никто не ожидал: во всём мире в один момент перестала работать вся электроника и всё электричество. Что конкретно произошло — до сих пор неизвестно, но люди связывают это с некой мощной геомагнитной бурей, которая уже раньше случалась. Например, геомагнитная буря 1859 года, которую впоследствии называли Событием Кэррингтона, вывела из строя телеграф по всей Европе и Северной Америке.

Но то, что случилось чуть более двух лет назад, — это была не просто геомагнитная буря. Что-то в бескрайнем космосе тогда решило, что хватит с нас света, интернета, гаджетов, социальных сетей, коротких видео и прочих незаменимых атрибутов современной жизни. Возможно, что когда-то ответ будет найден, но одно ясно точно — этот катаклизм унёс жизни многих людей. До сих пор неизвестно точное число, но то, что я опишу тебе далее, заставит тебя поверить, что я ни в коем случае не преувеличиваю.

К сожалению, этот катаклизм застал меня в Китае, в то время как моя семья в этот момент находилась в России. И что мне оставалось? Верно. Добраться до моей семьи. И за весь свой путь я встретил достаточно хороших людей, но и хватало не очень хороших, хотя они себя таковыми, естественно, не считали. Это путешествие нанесло мне много шрамов, так что, когда я сейчас смотрюсь в зеркало, то весь мой путь встаёт передо мной во всех деталях. Каждый шрам сохранился перед моими глазами так чётко, будто это было вчера. Точнее, перед глазом. Потому что глаза мне тоже пришлось лишиться. Но не стоит меня жалеть. Поверь, я приобрёл гораздо больше, чем потерял. Поэтому все эти шрамы и увечья — пустяки, которые только лишь не позволяют мне в полной мере рассматривать моё вытянутое лицо и острый подбородок, который имеет множество мелких шрамов. При этом некоторые шрамы теперь скрыты за моими длинными чёрными волосами, а глаз... Что ж, ведь у меня остался вто-

рой, да ещё и с таким же карим цветом. Поэтому хоть мой путь и изрядно попортил меня, но всё-таки самое главное, что у меня осталось, — это жизнь.

И нет, я не пытаюсь каким-то образом заинтересовать тебя прочесть мой дневник. Это — выводы. Выводы моего путешествия. Потому что человеку всегда нужно что-то, на что можно посмотреть и сказать: это было не зря. Человек, который забил сотни гвоздей, смотрит на построенный дом и понимает, что силы были потрачены не зря. Человек, который получает медаль за какое-либо деяние, понимает, что всё, что он делал, — не зря. Вот и для меня точкой опоры стал этот дневник, который подпирается выводами, которые ты сейчас читаешь. Ведь иногда и опоре нужна опора.

Ах, да, я забыл представиться. Не знаю, кто ты такой и при каких обстоятельствах будешь читать эти строки, но всё-таки, даже если мы с тобой не встретимся (в чём я уверен), я мог бы представиться абсолютно любым именем. Но я всё-таки хочу, чтобы между нами сложились доверительные отношения сразу, потому что врать и выдумывать я ничего не собираюсь. Меня зовут Виктор. Мне тридцать шесть лет. Я работал инженером до определённых событий. А что это за определённые события? Что ж, тогда мне придётся начать издалека. Но перед тем, как закончить с выводами и перейти непосредственно к моей истории, я должен как-то к тебе обращаться, ведь я тебя не вижу. Потому что я хочу не столько рассказать историю, сколько всё-таки выстроить с тобой

диалог. Поэтому позволь, я буду называть тебя Невидимым читателем.

За три месяца до Дня ноль — так я называю тот роковой момент, когда жизнь всего мира буквально началась заново, ведь людям пришлось по-новому учиться жить, — я был вынужден сбежать в Китай. Какой это был город — абсолютно неважно. Как так получилось, что я сбежал в Китай? Я жил в России в небольшом городе, который находился недалеко от границы с Китаем. Жизнь была сложной, но всё-таки неплохой: стабильная работа, любящая жена и ожидание долгожданного ребёнка. Со своей женой Еленой мы познакомились совершенно случайно. Хотя нет, это не было случайностью. Это был как раз тот случай, когда произошла удача.

Я был студентом последних курсов и подрабатывал ремонтом телефонов прямо на входе в торговый центр. Двери открывались и закрывались. Люди входили и выходили. Но в один момент зашла она: немного растерянная, оглядываясь по сторонам, она держала в руках телефон. Я знал, что если человек заходит в торговый центр и не смотрит в телефон, то значит, телефон сломался. И в этот раз я не ошибся — Елена подошла ко мне. У неё были светлые волосы до плеч, которые идеально подчёркивали её округлое лицо с зелёными глазами. Мы поздоровались, но оба поздоровались как-то слишком неуверенно. И в этот момент мы как будто бы оба поняли — мы встретили того самого человека, которого искали всю жизнь. Оттого и диалог вышел забавным:

я пытался говорить более уверенно, чем это было на самом деле, прикидываясь носителем всего тестостерона человечества, но это было настолько глупо, что я выглядел ещё более неуверенно и неестественно, из-за чего она чувствовала как будто бы некий дискомфорт, и диалог вышел таким, каким вышел.

Её телефон просто перестал включаться, и именно поэтому она обратилась за ремонтом. Я взял телефон, с умным видом покрутил его в руках. Затем я предложил ей подождать пару минут, пройдясь где-нибудь по магазинам, пока я проведу диагностику. Она согласилась. Оказалось, что у её телефона случилась проблема с батареей. Я заменил батарею, и телефон заработал. И это означало, что сейчас я отдам ей телефон, она заплатит по прайс-листу и мы больше никогда не встретимся. Я не мог этого допустить. Тогда у меня созрел план. Когда Елена подошла ко мне спустя десять минут, я сделал грустное лицо и сказал ей, что телефон подлежит более глубокому ремонту, чем я ожидал. Ложь номер один. И когда она спросила, какова будет стоимость ремонта, я боялся, что цена по прайс-листу ей не подойдёт и она уйдёт к другому мастеру, и тогда я сказал, что сейчас проходит акция и телефон можно будет отремонтировать бесплатно, поскольку с этой маркой телефонов у нашего сервиса договор на бесплатное обслуживание. Ложь номер два. Она обрадовалась и спросила, сколько займёт ремонт. И тут я тоже боялся озвучить какие-то условия, из-за которых она уйдёт к

другому мастеру, ведь вдруг телефон ей нужен был здесь и сейчас. Тогда я сказал, что на ремонт потребуется час. А может быть, и быстрее. Она не знала, что телефон уже работает. Ложь номер три. И тогда я сказал ту самую фразу, ради которой, к сожалению, был вынужден соврать три раза. «Оставьте мне номер запасного телефона, если у вас такой есть, а как будет готово — я вам позвоню».

И да, у неё оказался второй телефон. Я взял её номер и имя. Зачем? Чтобы потом в один день найти её в социальных сетях, посмотреть, чем она увлекается, есть ли у неё молодой человек или муж (этого пункта я боялся больше всего), а потом, в один момент, под каким-нибудь глупым предлогом написать ей, поговорить и пригласить на свидание. Но весь мой план был разрушен, и всей этой лжи не потребовалось. Потому что, как только я закончил ремонт и позвонил ей предупредить, что телефон готов к выдаче, она сама предложила вечером, как я закончу работу, увидаться и где-нибудь посидеть. В принципе, так всю жизнь у нас в дальнейшем и происходило: я всегда искал какие-то трудные пути и решения, тогда как у неё всё решалось максимально просто и прямолинейно. И эффективнее. Это была её суперспособность.

Как выяснилось впоследствии, она приехала в наш город недавно, чтобы выучиться на агронома. Ей всегда было интересно, как можно выращивать различные овощные культуры, ягоды и фрукты. И во время учёбы мы поженились, что было крайне рискованным, ведь нам было тогда чуть боль-

ше двадцати лет. Хотя нам все и говорили подождать и не торопиться, но мы не могли ждать. Мы хотели стать мужем и женой — мы ими и стали.

После учёбы я стал помощником инженера на местном заводе по производству труб, а Лена тоже начала свой карьерный путь с младшего сотрудника в компании по производству семян и удобрений. Спустя некоторое время нам удалось купить небольшую квартиру. С соседями нам, кстати, тоже повезло. Единственное — напротив нас жил какой-то крупный мужчина средних лет, который всегда как-то странно на меня смотрел. Елена потом сказала, что он и на неё странно смотрел. В общем, типичный странный сосед, которого лучше бы избегать. Это была меньшая из проблем, с которыми мы в принципе могли столкнуться при покупке квартиры, поэтому мы всё равно были счастливы.

Мы долгое время откладывали рождение ребёнка — не из-за медицинских проблем, а из-за страха не справиться финансово. Хотя деньги у нас и были, уверенность в завтрашнем дне казалась хрупкой на фоне новостей. Сначала все кричали про угрозу всемирного финансового кризиса, потом — про возможность начала третьей мировой войны, потом — что где-то на юге взорвался завод и многие вредные вещества попали в атмосферу, из-за чего их разнесло ветром по некоторым регионам Земли, что может повлиять на здоровье ребёнка. И если она тревожилась на фоне любой новости и оттого откладывала рождение ребёнка, то я старался

на этом фоне не тревожиться и вообще не переживал, а был всегда спокоен. Это была моя суперспособность.

Со временем я набрался опыта и стал полноценным инженером, а Елена тоже получила должность выше. Мы ещё тогда смеялись, что, оказывается, иметь собственный отдельный кабинет — это лучшее, что вообще можно иметь на работе (за исключением хорошей зарплаты, естественно). Тревожные новости тоже постепенно начали уходить из информационного поля. И тогда мы почувствовали, что готовы завести ребёнка. Прошли обследования, сдали анализы, решили некоторые небольшие проблемы со здоровьем — и наконец врачи дали «зелёный свет»: мы можем начинать готовиться к ребёнку, всё в порядке.

В один момент я вернулся домой, а Лена встретила меня на кухне с коробочкой. «Открой», — сказала она. Внутри лежала справка о беременности. Мы были счастливы: стабильная работа, собственная квартира, пусть и небольшая. И мы ждали прихода в этот мир нового человека. После этого ты ощущаешь себя по-другому. Ты хочешь ускорить этот процесс, как бы это ни звучало странно. Ты хочешь быстрее увидеть своего ребёнка: какой он? на кого он больше будет похож?

Но случилось то, что случилось. Что стало триггером к тому, чтобы я был вынужден бежать в Китай.

Ровно через две недели после подтверждения беременности на работе произошёл несчастный случай. Из-за моей

производственной ошибки пострадал человек — он лишился трёх пальцев левой руки. Я должен был проверить оборудование перед запуском и подписал акт о его исправности. Но во время работы от станка отлетела дисковая пила.

Меня отстранили от работы до выяснения обстоятельств. Комиссия по расследованию несчастного случая уже готовилась признать меня виновным, хотя я настаивал: виной всему изношенное оборудование, которое могло выйти из строя в любой момент. Но кто меня слушал? В этом и была моя ошибка: я говорил, а не доказывал в письменном виде. Вот и случилось то, что случилось. Я дал заключение, что оборудование исправно, однако спустя два дня случилась эта ситуация, и человек стал инвалидом.

Елена же по понятным причинам перестала работать и взяла отпуск — готовилась к родам и берегла нервы. Так мы оказались без денег в самый ответственный момент нашей жизни. Елена поддерживала меня и сказала, что найдёт какую-нибудь подработку в интернете, чтобы иметь хотя бы какие-нибудь деньги. Проконсультировавшись с адвокатами, мы поняли только одно: меня сделают виновным в нарушении требований охраны труда, повлёкшем по неосторожности тяжкий вред здоровью человека, и последует уголовное наказание. Первое время я был в статусе свидетеля, однако, если мой статус сменится на подозреваемого, мне уже будет некуда деваться. Нужно было срочно заработать, чтобы содержать Елену. Помнишь, я говорил тебе про мою суперспо-

способность — оставаться спокойным даже в самые тревожные моменты? Вот это был первый раз в моей жизни, когда суперспособность перестала работать. Я боялся, что в один момент в мою дверь постучат, меня задержат и предъявят обвинения.

Расследование тянулось не одну неделю. Пока собиралась комиссия, пока я обивал пороги адвокатов — прошло уже несколько месяцев. И это были месяцы, полные страха за моё будущее. Я чувствовал себя героем «Процесса» Кафки: живёшь себе дальше, а сам знаешь, что рано или поздно за тобой придут. Накопления таяли.

У меня был единственный способ скрыться хотя бы на некоторое время, чтобы в том числе заработать денег и помогать Елене, — сбежать в Китай. Не навсегда, а до момента, когда родится ребёнок. Елена была категорически против: она хотела, чтобы я был рядом с ней всю беременность. Я её понимал. Но мы сошлись на компромиссе: я уеду на три месяца — успею вернуться до родов и перешлю достаточно денег, чтобы обеспечить её до и после появления ребёнка. В дорогу Елена подарила мне небольшую книжечку — самоучитель по китайскому языку. «Хоть язык подучишь там, лишним не будет», — сказала она мне. И эта же книжечка стала мне дневником, который ты сейчас читаешь, Невидимый читатель. Потому что в книге было полно пустых листов, которые предназначались для выполнения домашних заданий: вписывать слова и предложения. Впоследствии я

сел на поезд, доехал до границы, а после пересел на автобус, который ездил регулярно и пользовался популярностью. По приезде в Китай мне повезло, что подвернулась работа. Я устроился на местный завод, правда, помощником, но это всё равно было лучше, чем ничего. И это при том, что я не знал китайского языка, но на заводе работал китаец, который когда-то работал в России и знал немного языка. Поэтому он поручился за меня перед руководством, что взять меня — неплохая идея, ведь как раз свободных рук на заводе не хватало: зарплата была слишком маленькая по местным меркам, поэтому порой привлекали иностранных специалистов. Мне сделали документы на три месяца, чтобы я мог официально работать, а потом случился он...

ДЕНЬ 0

Ну а теперь пришло время рассказать, пожалуй, про самый страшный день людей всего мира. Его называют по-разному, но я называю его просто и ёмко — День ноль. Почему так? Потому что с этого дня людям пришлось буквально жить заново, по средневековым правилам. И это не преувеличение, Невидимый читатель, скоро ты поймёшь, о чём я говорю.

В тот вечер я обыденно шёл со своей рабочей смены в мою маленькую квартиру, которую мне удалось снять. Она была невероятно маленькая и старая, но мне было главное то, что я мог в ней спать и есть. На улицах толпились люди: вокруг был смех, издалека слышались какие-то весёлые крики. Вечер пятницы, неудивительно, что так много народу. По улице пролетали машины: все торопились домой к своим семьям после тяжёлой рабочей недели. Я увидел китайца, который стоял у дороги и играл на саксофоне, а вокруг него собралось несколько человек, часть из которых кидала ему звонкие монеты в шапку, лежавшую на сером и холодном асфальте. Мы пересеклись с ним взглядом, и я буквально прочитал в его глазах призыв ко мне: чтобы я остановился, присоединился к толпе людей и тоже послушал, как он играет. Но я отвёл взгляд, поскольку всё, о чём я в тот момент мечтал, — это только лишь попасть домой, принять душ и лечь спать. Яр-

кие вывески были повсюду, они подобно этому музыканту зазывали меня к себе: «Зайди к нам! У нас вкусно! Скидки! Только сейчас! Распродажа!» В Китае я был уже три месяца и чуть-чуть начал понимать китайский язык. Говорить на нём я, естественно, не мог, а вот читать и слушать — более-менее. В принципе, всё время, что был в Китае, я только и делал, что читал и слушал. Говорить мне было не с кем.

Все эти вывески не смогли завлечь меня к себе, однако смог завлечь маленький продуктовый магазинчик, который стоял на углу и не имел какой-то яркой цветной вывески. Пожалуй, это то, что мне было нужно. Я зашёл, поприветствовал кассира и начал выбирать, что буду есть по приходе домой. Когда я выбрал свой почти стандартный набор из лапши быстрого приготовления, то отнёс свои покупки на кассу, чтобы оплатить. Внезапно свет начал мерцать, пока и вовсе просто не выключился. Я остался в полной темноте, держа в руке мой будущий ужин, а со стороны кассы услышал, как китаец начал ругаться. Сначала была глубокая тишина, которая длилась секунд десять. Это были самые громкие тихие десять секунд в моей жизни, потому что хоть я этого и не слышал, но понимал, что буквально у всех эти десять секунд была одна и та же мысль: «Что происходит?!» — и эта мысль звучала громче любой тишины. Как вдруг звуки снова начали появляться: сначала это были просто громкие голоса, которые что-то кричали в шутку, потом, спустя мгновение, отдалённые слова превратились в крики, которые прерывались

множественными звуками ударов. Как выяснится после, машины просто врезались куда попало, включая друг друга. На скорости шестьдесят километров в час в крошечной темноте машину просто так не остановишь, а если и остановишь — то в тебя наверняка кто-то въедет сзади. А то и спереди. Я был сильно напуган и понял, что безопаснее всего оставаться там, где я стоял в текущий момент, — у кассы магазина. Но я ошибался. Вдруг в магазин влетела машина, которая пробила стеклянную витрину и каким-то чудом остановилась прямо напротив меня. Несколько осколков порезали моё лицо, но, хорошо, что не слишком серьёзно.

Из машины вылез водитель, который начал что-то кричать, но на общем шуме я не смог разобрать ни слова. Сказать честно — я даже не знаю, водитель это был или пассажир, потому что было настолько темно, что я даже не видел силуэтов людей. И тогда я достал телефон, чтобы включить фонарик. Я быстро сунул руку в карман, вытащил телефон, нажимал на экран — не работает. Тогда я нажал на кнопку включения — результат тот же. Телефон просто не работает. Тогда я кое-как на китайском языке попросил кого-нибудь включить телефон, на что услышал ёмкий ответ: «Не работает!» Тогда я аккуратно, нащупав стену магазина (я помнил ориентировочно, где она находится), начал выходить на улицу, потому что в этом магазине я был заперт, как в тюрьме, в которой было на самом деле опаснее, чем на улице. Поэтому я аккуратно шёл вдоль стены, наступая на осколки и раз-

личные продукты, которые оказались на полу после въезда автомобиля в магазин. Я потрогал своё лицо — на нём пот смешался с небольшими струйками крови, которые шли из неглубоких порезов. А тем временем на улице по-прежнему были слышны крики и звуки ударов.

Когда я вышел на улицу и ощутил свежий воздух, то мне физически стало немного легче. Как вдруг я увидел вдалеке большое оранжево-жёлтое зарево, которое явно было взрывом. Что именно горело — я не знал, но на фоне этого зарева я увидел, как самолёт подозрительно низко летел над городом. И он спускался всё ниже и ниже, пока совсем не скрылся где-то далеко за горизонтом, как вдруг — новая вспышка огня. Это падали самолёты. Я где-то слышал, что такое возможно при нанесении ядерных ударов, ведь при ядерном ударе происходит электромагнитный импульс, который способен отключать электронику и технику в радиусе взрыва, но это не было похоже на ядерное оружие. В конце концов, если бы был ядерный удар, то сработало бы какое-нибудь оповещение или, на крайний случай, я бы сначала услышал звук взрыва, а только потом бы электричество везде отключилось. Но случилось ровно наоборот — сначала отключилось электричество, а только потом вдалеке были слышны взрывы. Поэтому нет, это не начало ядерной войны. Это было что-то другое. Вдруг рядом прогремел взрыв, совсем в нескольких сотнях метров от меня. Это взорвалась машина, которая врезалась, судя по всему, в стену со всей скоростью. В один

момент у всех автомобилей разом заглох двигатель, а вместе с двигателем умерли усилители: и тормозной, и рулевой. Педаль превратилась в бетонную плиту, руль — в приваренный к полу штурвал. Человек, который всю жизнь останавливал полторы тонны железа одним касанием ноги, вдруг обнаружил, что машина его не слушается, и решил, что отказали тормоза. Они не отказали. Их просто нужно было продавливать всем телом — и в темноте, за полсекунды до удара, этого никто не успел сообразить. Очередной взрыв осветил улицу, на которой был я. И то, что я увидел, было кошмарным зрелищем. Вокруг машины врезались друг в друга, а какие-то были уже разбиты. Водители и пассажиры не подавали признаков движения: они были или без сознания, или мертвы. На улице люди бежали кто куда и врезались друг в друга. На земле лежали тела людей, которых либо снесли в панике, либо сбили машины.

Вдруг кто-то схватил меня за руку сзади. Я обернулся. Это был окровавленный человек, чьё лицо было полно страха. Он что-то кричал, но его голос не пробивал ту стену хаоса, которая царила вокруг: я не разбирал его слов. Он начал падать, сползая вниз. Силы в нём пропадали прямо на моих глазах. Я попытался удержать его, схватив за предплечье, — и почувствовал, как под моими пальцами растекается тёплая и липкая жидкость. У него не было руки! Вместо руки там просто шла кровь. Скорее всего, в него врезалась машина или каким-то другим образом снесла ему руку — я не знаю.

Но я явно слышал, как он просил о помощи. Только какую помощь я мог оказать ему в тот момент — я не знал. И только посмотрев на его лицо, я узнал его: это тот самый саксофонист, который ещё каких-то десять минут назад зазывал меня присоединиться к народному гулянию вокруг него.

Я не мог оставить бедолагу в таком виде и начал кричать во все стороны на русском языке, что здесь нужна помощь. Конечно, я знал, как на китайском будет слово «помощь», ведь мы частенько на заводе просили помощи друг у друга в чём-либо, но почему-то весь мой китайский словарный запас забылся, а поэтому я начал кричать в Китае на русском языке, что было максимально глупо, как я понял впоследствии. Но на мои крики никто не шёл. Когда я перестал кричать, то посмотрел в сторону этого бедного человека со словами: «Сейчас, сейчас... Помощь уже в пути». Но передо мной уже не было этого китайца. Он куда-то делся. И когда я сделал шаг вперёд, чтобы пойти искать его, то споткнулся обо что-то. Я посмотрел вниз — это был он. Он уже не двигался. Он умер. От страха я быстро отскочил назад, потому что впервые увидел мёртвое тело, да ещё и без руки. И когда я отскочил назад, то меня кто-то снёс со всей силы. Я упал на землю и ударился головой. Что было дальше — я не помню.

ДЕНЬ 1

Когда я пришёл в себя, то лежал рядом с тем самым мёртвым китайцем. От испуга я быстро вскочил, но сделал это зря — в голове так сильно начало стучать, что моя голова разболелась ещё сильнее, а зрение потеряло фокус, и весь мир передо мной был размытым. Я облокотился на стену, выждав, когда моё зрение придёт в порядок. Это заняло около минуты.

На улице уже было светло. По моим ощущениям — было где-то около шести утра. И весь этот кошмар плотно засел в моей памяти, так что я его больше никогда не забуду: вокруг был огонь от машин, из разных частей города в воздух шёл чёрный и плотный дым, а на земле лежало множество трупов и покалеченных людей. Несколько человек, таких же, как и я, тоже просто стояли у какой-то стены, что-то крича и ругаясь. Вокруг слышался плач. Дышать было крайне тяжело, воздух целиком и полностью состоял из запаха гари.

Самое удивительное было то, что я не слышал никаких звуковых сигналов пожарных машин или скорой помощи. Где помощь? Где спасательные службы? Их не было. В ту ночь вышло из строя всё, в чём была хоть какая-то электроники.

Как только я почувствовал в себе силы, то начал ходить по городу, пытаюсь хотя бы кому-то помочь. И нужно отдать

должное — многие китайцы тоже стремились помочь каждому, кто попал в беду, а таких людей было немало: кто-то застрял в машине, и мы доставали людей из этого железного плена. Кого-то придавило машиной к стене. К сожалению, когда мы достали такого человека, то он не чувствовал ног. Ну и подручными средствами мы тушили пожары, передавая друг другу ведра с водой по цепочке. Естественно, что водоснабжение тоже перестало работать, как и канализация. И именно поэтому воду черпали из ближайших рек, которые протекали по городу. И если и было что-то хорошее в этот день, так это сильный дождь, который помог нам потушить множество пожаров.

Время пролетело незаметно, и уже практически наступил вечер. Люди ещё не совсем понимали, чем это чревато, потому что народу на улице было по-прежнему много, но я начал уже тогда догадываться, что лучше бы начать убираться с улицы пораньше, потому что скоро станет очень темно. Когда я начал идти в сторону квартиры, которую арендовал, то по пути увидел толпу людей, которые стояли вокруг чего-то. Хоть мне и было в другую сторону, но моё любопытство взяло верх: я пошёл в сторону толпы. Конечно, мой китайский язык был крайне слаб, чтобы я мог спросить, что тут происходит и почему так много людей, поэтому я нагло прошёл сквозь толпу и увидел жуткую картину: на дороге лежал небольшой грузовичок, а под ним был человек, который, судя по всему, был водителем. Нижняя половина его

тела была под грузовичком, а верхняя — торчала наружу, и он кричал от боли. Он был жив. Его придавило. Я не мог понять, как это могло произойти, и тогда я увидел: в грузовичок упиралась с противоположной стороны другая машина. Судя по всему, водитель грузовичка вылезал из кабины, а в этот самый момент в его грузовичок врезалась машина, которая опрокинула грузовичок прямо на водителя и придавила его. А толпа стояла и решала, как его оттуда достать. Можно было бы сделать какой-нибудь рычаг, но он бы просто не поместился: грузовичок очень плотно был прижат к земле. Тогда я повернулся к людям и сказал, что мы можем попытаться поднять его все вместе. Естественно, что я сказал это по-русски. Но меня поняли, и на китайском мне что-то ответили, но тут уже я ничего не понял. Они увидели, что я ничего не понимаю, и тогда мне начали показывать жестами, что уже пытались все вместе поднять — не получается. Грузовичок слишком тяжёлый. Один китаец обвёл пальцами людей вокруг, показал, как они тянули, резко опустил руки и покачал головой. Тогда я ткнул пальцем себе в грудь и повторил его жест — мол, теперь нас на одного больше. В итоге китаец закатил глаза, фыркнул и рукой подозвал к себе несколько человек.

Мы встали все в ряд, схватились за низ грузовичка, и тут даже без перевода было слышно, как тот китаец начал отсчёт и дал команду: «Три, два, один!» — и в тот момент все звуки смешались воедино: стоны от боли придавленного бедняги,

звуки усилий и, самое главное, мы услышали, как грузовичок начал отрываться от земли. Это было очень тяжело, но результат был — грузовичок чуть-чуть приподнялся. И тогда один из поднимавших обессилел и отпустил руки. Грузовичок чуть-чуть упал, но мы все мгновенно подхватили его и начали поднимать ещё с большей силой. В глазах начало темнеть, а руки вот-вот отпустят эту грудку металла, но внезапно кто-то из толпы выкрикнул, и все, кроме меня, бросили поднимать грузовик. Тогда я повернулся назад и увидел, что, оказывается, бедолагу вытащили из-под грузовичка, и он лежал на дороге, весь в крови. Мы справились. Тогда ко мне подошёл довольно молодой китаец, которого я до этого не видел в толпе, и поблагодарил меня. После этого я продолжил идти домой, потому что становилось уже чрезмерно темно.

Так прошёл мой первый день после катаклизма. И когда начинало темнеть, то люди тоже последовали моему примеру: они начали разбегаться по домам. И ближе к вечеру улицы становились всё безлюднее и безлюднее. Я тоже решил быстрее идти домой, чтобы не оказаться на улице в темноте. И когда я пришёл домой, то посмотрел на себя в зеркало: я был весь мокрый, в крови и в грязи. Я выглядел ужасно. Тогда я просто лёг и закрыл глаза. Я не знал, что делать. Я только лишь хотел спать. И чтобы, когда я открою глаза, всё это оказалось плохим сном.

ДЕНЬ 142

Старый мир умер. И если раньше люди ходили на работу, которая была завязана на электронике и электричестве, получали зарплату на банковскую карту, а после могли расплачиваться через свой телефон или снимая деньги с банкомата, а потом шли на кассу в магазин, чтобы купить продукты или сделать доставку, то сейчас это всё стало невозможным. Все серверы, на которых хранились данные о сотрудниках, сведения о зарплатах, вся информация о накоплениях людей — всё просто пропало. Впоследствии люди перестали ходить на работу, ведь теперь у них был лишь вопрос выживания.

Кто согласится работать, когда фактически работать не с чем? Как работать программисту без компьютера? Как работать кассиру без кассы? Зачем стало в принципе работать, если никакой оплаты вы не получите? Деньги потеряли всякий смысл. Теперь это стали просто бумажки с красивыми рисунками, которые кидали в костры, чтобы согреться. Поэтому мир начал существовать по первобытным правилам: люди начали брать любую еду, которую только могли найти. Несмотря на весь ужас, ситуация выглядела комично: когда ты выходил на улицу, то разбитые витрины и пустые полки были только у продуктовых магазинов и книжных (книги использовали как топливо для костров), а магазины с дорогостоящей техникой просто оставались нетронутыми. В любой

другой ситуации мы бы видели обратную тенденцию разбитых витрин. Но в мире, где перестала работать любая техника и отсутствует электричество, это всё было в порядке вещей. Именно тогда я впервые понял простую вещь: ценность любой вещи существует ровно до тех пор, пока в неё верят люди. Как только исчезло электричество, исчезла и вера в прямоугольную стекляшку под именем смартфон, в блеск нового автомобиля, в цифры на банковском счёте. Осталась только вера в то, что можно съесть, чем можно согреться и с помощью чего можно защититься. Всё остальное превратилось в мусор буквально за одну ночь.

Начали появляться банды, которые в основе своей нападали на людей вечером, чтобы отобрать еду или иные ресурсы. Днём банды тоже действовали, но не так активно. В конце концов, у большинства людей ещё оставались нормы морали, и если кто-то кричал с просьбой о помощи, то люди сбегались в это место для помощи. И если удавалось поймать вора или члена банды, то его наказывали в зависимости от того, насколько агрессивна была толпа. Чаще всего такого человека просто избивали и привязывали к ближайшему столбу.

Даже появилось специальное словечко — «##», то есть «обнимать столб». Когда люди проходили мимо такого столба и видели человека, которого осудили «народным» судом, то они запоминали его лицо, чтобы, если увидят его вновь, остерегаться или предупредить всех о том, что это вор. Но чаще всего такого человека могли пнуть, а то и хуже. И ес-

ли первый месяц с момента Дня ноль люди были напуганы, второй месяц — были злыми, то сейчас люди больше в отчаянии. Но отчаявшийся человек порой намного агрессивнее, чем просто злой. И если вор попадался отчаявшейся толпе, то привязать его к столбу скотчем было ещё лучшим исходом.

И когда люди начали доставать генераторы для получения хотя бы какого-нибудь электричества, то оказалось, что обмотки генераторов замкнуты, и генераторы утратили способность вырабатывать ток. Автомобили тоже вышли целиком из строя. Думаю, про электромобили нет смысла объяснять, что завести их было безнадёжно. Но и бензиновые машины встали: у них сгорела вся электроника — блоки управления двигателем, датчики, генераторы. Аккумуляторы внешне оставались целыми, стартер даже проворачивал двигатель — вот только заводиться было нечему. Ни зажигания, ни форсунок, ни единого живого датчика. Машине больше нечем было думать. В один момент я даже пытался в паре с одним электриком-китайцем пересобрать генератор из неиспользованных компонентов — не работало. Поэтому мы буквально за одну ночь откатились на два века назад: люди снова начали массово лить свечи и экономить воск. Но вставала другая проблема: подручные материалы для свечей быстро стали дефицитными, а поэтому приходилось экономить даже свечи. Спустя время и спички с зажигалками тоже стали полностью дефицитными, в результате чего днём лю-

ди пытались разводить костры с помощью линз и солнца, а в вечернее время — с помощью трения. Это был единственный способ создавать источники света. При этом многие не понимали, как так получилось, но перестали работать даже самые обычные механические часы. Часы на батарейках — ладно, это хотя бы объяснимо. Но механические? В них ведь нет ни единой электронной детали. Там нечему гореть: пружина, шестерни, баланс — и всё. Я, инженер, до сих пор не могу этого объяснить, и никто не может. Люди лишь выяснили, что в День ноль у механических часов по всему миру одновременно вышел из строя баланс — крохотная деталь, которая через колебания отмеряет время. Именно поэтому я и не верю, что это была просто геомагнитная буря: буря наводит ток в проводах, а в балансе часов проводов нет. Как будто у всего мира одновременно остановилось сердце, и никто не знал, как запустить его снова.

Первое время люди собирались на главной площади города, чтобы услышать последние новости от органов власти. Несмотря на то, что многие покинули свои рабочие места, некоторые люди из администрации всё равно регулярно встречались с гражданами.

И вот в один такой день, когда один из политиков начал говорить о том, что у него нет никакой информации о том, что конкретно происходит и когда это всё закончится, он сообщил, что они отправили экспедицию в ближайший большой город, чтобы выяснить, что происходит и есть ли ка-

кие-нибудь идеи, когда это всё закончится. Но экспедиция до сих пор не вернулась, хотя прошло уже достаточно времени. Политик попросил подождать. Так длилось очень долгое время, но в один момент участники экспедиции вернулись. И тогда политик сказал, что такая проблема по всей стране, что никто ничего не знает и не понимает, что делать. Но и это была не самая плохая новость. Дело в том, что, когда всё это началось, власти пытались взять ситуацию под контроль, а именно бороться с мародёрами и, что самое важное, обеспечивать людей едой. И когда политик сказал, что с продовольствием происходят большие проблемы, поскольку не хватает мощностей для производства еды, то один из участников собрания выкрикнул что-то, из-за чего люди начали гудеть и возмущаться. Я уже более-менее понимал китайский хотя бы на слух, поэтому понял только в общих чертах, что недовольный гражданин выкрикнул: почему это на нас еды не хватает, а вот у них — еды в достатке, что якобы до него дошли слухи, будто у представителей администрации где-то спрятаны запасы. И когда политик начал оправдываться, что это не так, произошёл переломный момент.

Толпа начала гудеть и требовать, чтобы еда и дальше продолжала выдаваться, на что политик просил подождать. Но толпу уже было не остановить. Люди были злые. Кто-то начал кидать предметы в политика и в его охрану (часть охраны состояла из тех людей, которые недавно составляли экспедицию). Откуда-то раздался выстрел. Кто его осуществил

— непонятно, но началась настоящая бойня между людьми и полицией, которая ещё оставалась на страже порядка, в то время как часть полицейских перестала работать на государство и организовала свои собственные сообщества, чтобы выжить. По той же аналогии поступили и некоторые банды. И полиция, и банды не могли терпеть друг друга по понятным причинам: между ними были конфликты и даже вооружённые стычки.

И во всей этой суматохе я начал уходить, потому что было видно (и слышно), что дело добром не кончится. Я слышал всё чаще стрельбу. Слышал, как кто-то кричал. Слышал, как летели различные предметы и разбивались либо об землю, либо о человека. В этот момент началась настоящая революция.

Внезапно за меня схватился китаец, что-то говоря мне, но разобрать его речь я не мог. Я попросил его начать говорить хотя бы по-английски. И по-английски он сказал мне, что просит помочь ему выбраться, поскольку он ничего не видит. И действительно, китаец невероятно сильно щурился. Я не мог разобрать, какого он возраста: сутулился он так, что физически выглядел глубоким стариком, а голос был совсем не стариковский. На английском он мне говорил, что его очки слетели и сломались, а поэтому сам он не выберется.

Естественно, я не мог отказать ему. Тогда он положил мне руку на плечо, и я скомандовал ему держать моё плечо и идти за мной. Люди падали перед моими глазами, а кто-то упол-

зал, как будто бы с поля боя. Один раз я чуть не споткнулся, когда передо мной упал человек: я случайно наступил на него и потерял равновесие. Китаец же почувствовал, что я теряю равновесие и начинаю падать, и тогда он схватил меня и потянул на себя, чтобы я не упал. Когда мы с ним пробирались сквозь толпу, то кто-то влетел в меня, и я упал. Я смог быстро сгруппироваться, но почувствовал: китаец опустил руку с моего плеча. Я развернулся в попытке найти его. Но я его не видел: так много людских силуэтов пролетало мимо, что я просто не мог найти его. Но когда я посмотрел вниз, то увидел его: он лежал на земле, потому что тоже, скорее всего, был сбит. Он был в полной панике и растерянности. Тогда я наклонился, взял его за руку и сказал, что это я. Он положил уже две руки на мои плечи и шёл за мной.

Немного погодя мы выбрались из давки и пытались бежать куда только могли, но подальше от главной площади. Когда мы выбрались, я сказал ему, что, если у него плохое зрение, то он не доберётся до дома, тем более что начало темнеть, а во время таких беспорядков находиться на улице опасно. Он согласился, что не знает, что теперь делать, тем более что живёт крайне далеко от города, в сельской местности. Тогда я предложил ему переночевать в моей квартире (точнее, квартира была не моя, а я её арендовал, но всё это время арендодатель не приходил ко мне с момента, как начался катаклизм). Китаец согласился, что останется переночевать, но завтра утром он уйдёт. И тогда мы быстро начали

идти в сторону моей квартиры.

Мы шли около часа очень быстрым шагом, насколько это было возможно. Китаец понимал, что если он не будет поспевать за моим темпом, то оставит нас обоих на улице в полной темноте и при беспорядках. Поэтому он шёл из последних сил. Конечно, у нас было несколько свечей (каждый более-менее сознательный житель начал носить с собой свечи и зажигалку), но эти ресурсы были предметом очень крайней необходимости, а потому в дефиците, как я и говорил раньше. И когда я говорю про крайнюю необходимость, то необходимость эта действительно должна была быть очень крайней. Потому что если ты останешься без свечей и зажигалки — неизвестно, когда ты их добудешь в следующий раз и добудешь ли вообще. Притом что по вечерам вылезали различные мародёры и бандиты, которые были бы не против обокрасть какого-нибудь бедолагу. Если при свете дня они действовали более осторожно, чтобы не оказаться привязанными к столбу, то ближе к вечеру они чувствовали себя намного увереннее. И пока мы шли, в основе своей мы молчали. Но я понял, что этот китаец не старик, а мужчина чуть-чуть за сорок, — просто из-за спины он выглядел стариком: он крайне сильно сутулился, так что ему достаточно было только дать трость в руку — и вот тебе настоящий старик.

Уже в квартире китаец рассказал мне, что раньше был учителем истории. Мы общались на английском языке, потому что китайский я мог слушать и понимать, а вот говорить

на нём — нет. Возможно, что это был просто страх того, что я неверно произнесу какой-либо тон и буду неверно понят. Одно и то же слово может означать разное в зависимости от того, как ты его произнесёшь. Поэтому я бы не хотел оказаться в ситуации, когда вместо «Я хочу здесь жить» произнёс бы «Я хочу свинью», потому что zhù (#) — это «жить» в смысле «проживать где-то», а zhū (#) — это «свинья». Ван потом смеялся и объяснял мне, что «жить» в смысле «быть живым» — это вообще другое слово, huó (#), и что иностранцы путают их постоянно.

Китайца звали Ван Сыюань. Если ты никогда не был в Китае, Невидимый читатель, то знай: Ван — это фамилия, а Сыюань — имя. В Китае принято, что сначала идёт фамилия, а потом имя. Что в письме, что в разговоре. Китаец понимал, что я иностранец и мне сложно произносить его фамилию с именем полностью, поэтому он просто попросил называть его Ван. И меня это более чем устраивало.

Тогда он рассказал мне, что незнакомые люди действительно иногда принимают его за старика из-за его спины, которая, в том числе, делает все его движения какими-то... возрастными, я бы сказал. Связано это с тем, что он родился с проблемной спиной. Но всё становилось куда хуже, ведь в детстве он крайне много читал в неправильном положении, из-за чего его спина искривилась ещё сильнее, а окончательно спину ему добила стройка: в подростковом возрасте он пошёл подработать, поднял мешок с цементом — и что-то

надорвалось так, что разогнуться он уже не смог. Он ходил на операции и прочие процедуры, которые бы как-то смогли сделать его спину лучше, но ничего не помогало. До Дня ноль Ван был преподавателем истории в школе. И тогда он мне как раз и рассказал, что когда-то читал про Событие Кэррингтона, о котором я написал ранее: в 1859 году Солнце выбросило чудовищный поток заряженных частиц, магнитная буря накрыла всю планету, и телеграфные линии от Северной Америки до Европы начали искрить и гореть прямо в руках у телеграфистов. Никакого «импульса от оружия» там не было — только Солнце.

Ван постоянно щурился, пока что-то рассказывал мне, поскольку ничего не видел без очков. Было видно, что он пытается разглядеть меня, но темнота, которая опускалась на город и оборачивала собой квартиру, не давала ему такой возможности. Зрение у него было просто ужасным, а в темноте он становился и вовсе слепым.

Поэтому встала проблема — что делать с очками? Без них он слепой крот. И у нас был только один вариант: на следующий день найти какой-нибудь магазин, в котором можно было бы достать очки. К сожалению, это была далеко не тривиальная задача, потому что многие люди начали использовать линзы, чтобы с помощью солнца разводить костры, если кому-то становилось холодно или требовался дополнительный источник освещения. Поэтому мы с Ваном договорились, что завтра непременно займёмся поиском очков. Ну а

сейчас мы сидели и ждали ночи, разговаривая при этом на разные темы. Я рассказал Вану, как оказался в Китае, а Ван рассказал мне, что он часто приходит в город, ведь на то у него есть причины, раскрыть которые он пока что не может. И чем дольше я общался с ним, тем сильнее понимал, что этот человек полон секретов. Но мне было легко с ним общаться. Он был общительным и, что мне понравилось больше всего, начитанным. Ван также предположил, что весь этот хаос, который начался несколько месяцев назад, в один день закончится так же внезапно, как внезапно и начался. «Страдания и трудности временны, мудрость — в принятии переменчивости жизни», — сказал мне Ван. И когда я сказал ему, что в свободное время пишу дневник, чтобы совсем с ума не сойти, и что это выражение обязательно попадёт туда, Ван снова удивил меня своей эрудицией, сказав, что дословно так никто не говорил, а он лишь пересказал своими словами мысль римского стоика Сенеки: мудрец не спорит с превратностями судьбы, а принимает их. Сам бы он так красиво никогда не сказал.

И тогда Ван спросил меня, почему я не хочу вернуться к своей семье. На что я ответил той же фразой Сенеки и добавил, что каждый день жду, что эта ситуация кончится и всё вернётся, как было раньше, что я смогу сесть на самолёт и полететь домой. А сейчас я такой возможности лишён. «Тот, кто лишён одной возможности, способен осмотреться по сторонам и найти множество других», — сказал он мне.

Когда я спросил у него, а это что за философ сказал, он лишь усмехнулся и сказал, что это он только что придумал.

ДЕНЬ 143

С первыми лучами солнца мы направились искать какой-нибудь магазин, в котором можно было бы найти очки. Довольно продолжительное время мы ходили по разграбленным магазинам, но ничего подходящего не находили. Мы потратили на это несколько часов. Тогда Ван сказал, что в этом нет смысла, что все линзы из очков просто повытаскивали, чтобы разводить с их помощью огонь. Я предложил ему поискать ещё, на что он согласился, но уже без явного энтузиазма. Мы нашли очередной магазин и зашли в него, но там тоже ничего не оказалось. Тогда Ван сказал мне, что остаётся только один вариант — чтобы он шёл к себе домой, поскольку дома у него есть запасные. Но в чём проблема: Ван мне рассказал, что живёт в сельской местности, поэтому добраться ему до дома пешком ориентировочно четыре часа. Но без очков он просто не дойдёт. Тогда Ван предложил мне сопровождать его, а взамен он даст мне столько еды, сколько я захочу. Предложение было не по мне, и я уже открыл рот, чтобы отказаться, как за спиной раздался выкрик: «И что это вы тут делаете?!»

Мы от испуга развернулись в сторону крика, потому что этот крик точно был направлен к нам и точно был без доброжелательных намерений. Я увидел, как в нашу сторону идут три человека: они выглядели довольно грязно, и было понят-

но, что у них не было намерений рассказать нам про конфуцианство. Я тихо сказал Вану, что лучше бы говорить с ними ему, потому что я не знаю языка. И я попросил его не накалять ситуацию, а в случае чего — отдать им всё, что у нас есть. А было у нас не так уж и много: пара свечек и две зажигалки. Ван сказал, что он будет говорить, но если всё пойдёт не по плану, то он сможет попытаться нас спасти. На этой фразе я сильно удивился, потому что, смотря на Вана — довольно слабого, хилого и чуть ли не слепого человека с сутулой спиной, — я бы и не подумал, что он сможет нам как-нибудь помочь. И как только я захотел спросить у него, как он собирается нас спасти, эти три типа уже подошли к нам.

Ван пытался им что-то объяснить довольно бегло по-китайски, но я понимал только обрывки фраз: «Ничего нет», «Давайте сюда», «Мы найдём», «А это кто?» (показывая на меня). Было видно, что ситуация лучше не становится, а становится только хуже. Один из этой троицы, как я понял, который был главным, у которого всё лицо было в мелких шрамах, рассмеялся Вану в лицо. И как только Ван начал что-то объяснять, он получил удар в живот от этого жуткого типа. Ван, и так согнутый из-за проблем со спиной, согнулся ещё сильнее, чуть ли не касаясь подбородком земли. И тогда все трое переключились взглядом на меня. Один из них схватил меня, сказал что-то, но я смог услышать только обрывки фраз: «Доставай», «Конец». Я начал бегло что-то пытаться

сказать, что у нас есть свечи и зажигалки, но он ещё начал просить еды. Он был уверен, что у нас где-то запрятана еда. Когда я начал отвечать, что еды у нас нет, то этот, со шрамами на лице, достал нож и прислонил его к моему лицу. Внезапно я услышал громкий и оглушительный звук, который эхом пронёсся по всему магазину, в котором мы находились. У меня начало звенеть в ушах, и я увидел, как нож, который недавно был перед моим лицом, тихо вывалился из рук нападающего. А сам нападающий, подобно ножу, тоже начал вываливаться из состояния жизни, закатив глаза и упав на землю передо мной.

Я ощутил, как что-то тёплое попало мне на лицо. Машинально вытерев это рукавом, я увидел на своих пальцах тёмно-багровую кровь. Все вдруг замерли и не знали, что делать. Точнее, они не понимали, что произошло. Внезапно все посмотрели на Вана, который держал в руках... пистолет. Я не знаю, откуда он у него взялся, но, скорее всего, это и был тот самый план спасения, о котором Ван мне намекал. Как только оставшиеся два члена банды бросились бежать, Ван командовал им остановиться, иначе они повторят участь убитого. Они послушно остановились и подняли руки, а после медленно повернулись лицом к нам. И тогда Ван что-то приказал им, на что бандиты сначала переглянулись друг с другом, а после начали выворачивать карманы. Ногой они толкнули нам зажигалки и спички. Ван попросил меня медленно поднять это, что я и сделал. После от Вана последовала

ещё одна команда, в результате чего те двое начали убежать. Когда мы остались с ним вдвоём, я подошёл к Вану, чтобы передать полученное, и буквально в мгновение руки у Вана затряслись, а пистолет начал непослушно «ходить» по сторонам, хотя ещё совсем недавно он держал его крепко и уверенно. И Ван начал мне объяснять, что не хотел убивать этого человека, а хотел только лишь напугать, выстрелив в воздух, но из-за зрения силуэт расплылся, и он выстрелил ему точно в голову, а не над головой. Когда я у него спросил, откуда у него, учителя истории, чёрт побери, пистолет, последовал логичный ответ: «Мой отец был полицейским, а пистолет — отца». И сразу после этого он, торопясь, начал мне объяснять, что мне теперь нельзя находиться в этом районе. Да и вообще желательно в городе. Что это были члены банды, и если они увидят здесь меня или Вана, то мы оба не выживем. И даже если Ван уйдёт в свою сельскую местность, а я останусь здесь, то они начнут охоту на меня, в попытке найти Вана. Почему? Во-первых, чтобы отомстить. А во-вторых, я немного солгал, когда написал, что в текущих обстоятельствах самые важные ресурсы — это еда, зажигалки и спички. В текущих обстоятельствах для некоторых отморозков самым важным ресурсом является огнестрельное оружие, которое позволяет путём угроз без проблем добывать другие важные ресурсы. Поэтому банда начнёт охоту на меня и на Вана, чтобы достать это оружие. И, судя по всему, теперь у меня точно не было выбора — я был вынужден бежать из го-

рода вместе с Ваном. Ещё несколько минут назад я был готов отказать ему в том, чтобы провести его до сельской местности, где он живёт, но теперь, похоже, опции отказа у меня не осталось. Я попросил Вана, чтобы мы всё-таки зашли в квартиру, где я жил, в последний раз, чтобы забрать то, что мне было сильно дорого: тот самый самоучитель китайского языка, который мне когда-то подарила Елена, но из которого я сделал свой личный дневник. Ван нехотя, но согласился. Поэтому мы быстро, стараясь избегать лишних глаз, прошли в квартиру, я забрал, что мне нужно было. И тогда я отправился с Ваном туда, где и прожил почти следующий год.

Уже потом, лёжа в темноте на новом месте, я долго не мог уснуть. Меня преследовало лицо того человека в момент, когда пуля вошла ему в голову. Оно было удивлённым. Не злым, не испуганным — именно удивлённым, как будто он до последней секунды не верил, что этот жалкий сутулый очкарик способен нажать на спусковой крючок. И я поймал себя на страшной мысли: я не испытывал жалости к нему. Я испытывал облегчение. И вот это облегчение пугало меня куда сильнее, чем сама смерть. Потому что я вдруг понял, что новый мир начал менять меня, и я ещё не знал, во что именно он меня превратит.

ДЕНЬ 426

Это было действительно хорошее время в компании приятных мне людей. Ван не соврал, что живёт в полноценной сельской местности, где есть огороды, а следовательно, и еда. К сожалению, это знали и некоторые люди из города, поэтому они периодически приходили сюда, чтобы получить немного еды. Но еды было действительно мало, поэтому таким приходящим приходилось отказывать. Потому что если кто-то из местных дал бы свою еду кому-то из города, то пришлось бы голодать кому-то из местных. Однако впоследствии приходящие уже переставали просить, а начинали требовать. На что тоже получали отказ. Потом приходящие стали требовать и угрожать. И тогда уже начинались полноценные стычки, в результате которых приходящие терпели поражение. Это не было похоже на массовую драку или что-то в этом роде, конечно же нет. Просто у многих из сельской местности было холодное оружие в виде ножей, топоров, а пара стариков даже каким-то образом смогла сделать лук со стрелами. Но если и этих аргументов не хватало, то тогда в дело вступал последний аргумент — пистолет, из которого Ван убил тогда нападавшего. С тех пор любые попытки извне требовать еду прекратились, и мы начали жить спокойно.

При этом местные жители приняли меня хорошо, поскольку были благодарны, что я помог Вану, да и человек

с моими навыками инженера им бы пригодился, чтобы что-нибудь ремонтировать и чинить. Но вот Ван никому не рассказал, как он помог мне. И попросил меня никому не говорить про ту самую стычку с бандитами в городе. Хотя, сказать честно, я и сам никому не хотел бы об этом рассказывать, потому что у меня до сих пор иногда всплывало перед глазами умирающее лицо того бандита. Я надеялся, что если просто не говорить о том случае, то он забудется. Спустя время черты лица того бандита действительно расплылись в памяти.

Главным у местных жителей был Чэнь Хао. Это был крайне высокий пожилой мужчина с крепкой челюстью, которой, мне кажется, можно пробивать стены: настолько она у него была на вид твёрдая. Вообще он и до Дня ноль считался самым активным и требовательным жителем села: если вдруг что-то случалось с водой, то он звонил в соответствующие службы, чтобы воду подали немедленно. И если ему отвечали, что сейчас это невозможно, поскольку где-то происходит ремонт труб или что-то иное, то он спрашивал чёткие сроки, когда ремонт будет завершён. И службы эти сроки боялись нарушить, потому что понимали: с Чэнь Хао лучше не шутить, поскольку он способен решать любые ситуации с помощью своего твёрдого характера и требовательно-го голоса. Раньше он служил в полиции и занимал хорошую должность, но впоследствии ушёл на пенсию. Хотя здоровья у него и было больше, чем у кого-либо, но на пенсию он ушёл

не просто так: ему надоело постоянно видеть убийства, кражи, участвовать в судах и так далее. И именно поэтому он решил добавить себе больше радости в жизни: выйдя на пенсию, он купил себе домик в этой местности и начал выращивать сад, который действительно был очень красивым. Жены у него не было, потому что хоть все вокруг и восторгались его твёрдым характером, в личной жизни этот характер создавал проблемы. Он развёлся и, в принципе, больше никогда не был женат. И после Дня ноль как раз данный человек был тем, кто способен организовать защиту местных жителей и в целом взять, в том числе, вопрос продовольствия под свой контроль. Были установлены нормы по выращиванию сельхозпродукции, которые все должны были выполнять, потому что от этого зависела жизнь пяти десятков человек, среди которых были, естественно, и дети. Кстати, Ван этих самых детей и обучал в школе. Он был единственным учителем в селе. И особенность китайцев в том, что они много отдают сил на образование. Это великолепная черта, потому что даже после Дня ноль местные дети с интересом ходили на уроки Вана, а после помогали родителям работать. В любой другой ситуации, возможно, многие дети бы просто перестали видеть смысл в образовании, когда мир стал таким, какой он есть. Но нет, дети постоянно приходили к Вану, и это было замечательно. Скажу даже больше, что по вечерам Ван преподавал даже для взрослых. Чаще всего это была история. Приходили просто ради интереса.

Так община и жила: днём работала, а вечером отдыхала. Правда, пара патрульных всё же ходила по селу на всякий случай. Они знали эту местность замечательно, поэтому даже в темноте были способны понимать, у какого дома находятся. И если вдруг они бы слышали какой-то посторонний звук, то вмиг подняли бы тревогу. Благо, что такого не случилось за всё время, сколько я здесь жил. Но всё-таки можно было ожидать чего угодно. Когда Ван привёл меня сюда, то Чэнь Хао долго расспрашивал обо мне, а я, с помощью Вана, который был моим переводчиком, рассказывал о себе. Момент с нападением бандитов мы с Ваном не стали рассказывать, потому что Ван знал, что если Чэнь Хао узнает, в какую передрыгу мы тогда попали, то Чэнь Хао начнёт ходить в город с ним, а Ван почему-то этого не хотел. Наша же легенда заканчивалась на том, что я помог Вану выбраться с площади, когда начались беспорядки, а когда Ван увидел, что я один в чужой стране и без знания языка, да ещё и инженер, то решил пригласить меня жить сюда, чтобы я смог выжить в эти непростые времена. Мне выделили комнату у старушки, которая жила одна и не совсем была в состоянии, в том числе, ухаживать за собой из-за проблем со здоровьем, поэтому я был только рад, что мог помогать ей как по дому, так и работать в огороде. А Ван жил в соседнем доме вместе со своей женой, которая всегда была крайне любезна ко мне.

Я хочу немного рассказать тебе, Невидимый читатель, об этом времени. Почти год я не вёл дневник, потому что мне

хватало общения с замечательными людьми в этой маленькой сельской местности, да и работы, сказать честно, было тоже достаточно. Особенно тяжёлой была зима, но я, если честно, хочу о ней забыть и не вспоминать. Это было невероятно тяжёлое время для всех. Новый мир состоял не только из ужасов, которые периодически доходили слухами до нашей небольшой общины. Он также состоял и из тихих дней, когда над огородами стоит туман, и когда старушка, у которой я жил, выходит на крыльцо со своей кривой палкой и медленно, кряхтя, идёт кормить кур, игнорируя моё желание ей помочь. Он состоял из вечеров, когда пахнет землёй и прошедшим дождём, а дети со всей деревни бегут к дому Вана на урок так, будто это самое интересное развлечение на свете. Может быть, для них так и было. Ведь у них не осталось ни мультиков, ни игр в телефоне. Осталась только история, которую рассказывает сутулый учитель. И, знаешь, я иногда садился в углу класса и слушал вместе с детьми, хотя понимал далеко не всё. Ван рассказывал про древние династии, про великих философов, про войны и мир. И дети слушали с открытыми ртами. В такие моменты я думал: может быть, человечество и не пропадёт. Потому что пока есть тот, кто хочет делиться знаниями, и тот, кто хочет знания слушать, — цивилизация не мертва.

Меня научили работать тяпкой, различать ростки картофеля и сорняков, чинить то, что раньше я бы просто выбросил и купил новое. Оказалось, что мои навыки инжене-

ра здесь ценятся куда больше, чем на заводе. У кого-то сломался колодезный ворот — иду чинить. У кого-то развалилась печная заслонка — иду чинить. У кого-то оторвалась подошва — тоже чиню, хотя обувью я никогда в жизни не занимался. И знаешь, что я понял, Невидимый читатель? Что счастье — это, оказывается, быть нужным. Когда старушка, у которой я жил, брала мою руку своими сухими пальцами и говорила мне «спасибо, сынок» на китайском, я чувствовал себя богаче, чем когда-либо в старом мире.

Так я и прожил почти год. И ты, Невидимый читатель, возможно, не совсем понимаешь, почему же я не предпринимал попыток вернуться в Россию, к своей жене, которая уже наверняка родила нам ребёнка. Ответ прост: я, как и, наверное, миллионы других людей, просто ждал изо дня в день, когда мир снова станет прежним. Потому что до нас доходили какие-то слухи от местных жителей, которые ходили и потом возвращались из города, что якобы у кого-то недавно на мгновение появилось электричество, что вот-вот всё закончится, и так далее. Ван тоже периодически ходил в город, несмотря на все опасности, и тоже слышал такие слухи. Конечно, мы все воспринимали это как миф и чушь, но в глубине души каждый задавался вопросом: вдруг это действительно произошло, и скоро мы снова все начнём жить так, как раньше. И именно поэтому, надеясь, что завтра, вот прямо завтра, всё станет по-прежнему, я ничего не предпринимал для того, чтобы вернуться к своей семье. Я ждал, что

завтра снова начнут ходить поезда, летать самолёты, ездить транспорт. Что я выберу любой способ, который за несколько часов доставит меня к моей жене Елене и нашему ребёнку. А ведь я даже не знал, как зовут ребёнка. И эта призрачная надежда давала мне веру в хорошее будущее, но мешала предпринимать активные действия в настоящем. Но всё изменилось.

В один из дней Чэнь Хао, спустя почти год моего проживания здесь, зашёл ко мне в комнату, чтобы поговорить. К слову, местные жители не знали английского языка, кроме Вана, а общаться мне с ними приходилось довольно часто. Поэтому я учил китайский язык всё время, даже когда работал: проговаривал на китайском название каждого предмета, который держу в руках, и описывал каждое действие, которое совершаю. И говорить я научился довольно неплохо, а на слух и вовсе понимал всех прекрасно. Чэнь Хао присел на стул у окна, начал расспрашивать меня обо всяком, и тогда, внезапно, он спросил меня, знаю ли я, что в центре города тогда делал Ван, когда мы с ним познакомились? И почему вообще Ван периодически уходит в город даже несмотря на все те опасности, с которыми может столкнуться? Я ответил, что нет. Тогда Чэнь Хао попросил, чтобы наш разговор остался между нами.

— Виктор, — начал тихо говорить Чэнь Хао, — дело в том, что у Вана в этот, как ты его называешь, День ноль в городе находился сын. При этом накануне все слышали, как

Ван ругался со своим сыном и последний, хлопнув дверью, крикнул, что больше никогда сюда не вернётся, а останется у деда, отца Вана. В итоге его сын сел на ближайший автобус до города, и с тех пор Ван не знает о своём сыне ничего.

— Я не знал, что у Вана есть сын, — удивлённо отреагировал я. — Он и его жена никогда не рассказывали мне об этом.

— Да, всё так: они стараются всё меньше говорить о сыне.

— И что стало с его сыном?

— Неизвестно, — ответил Чэнь Хао.

— И с тех пор Ван регулярно ходит в город, чтобы найти сына? И почему сын так сильно не хотел возвращаться домой? И что с отцом?

— Ван, несмотря на свои физические недуги, связанные со спиной, — начал отвечать Чэнь Хао, — регулярно ходит в город. Раньше он ходил каждый день и преодолевал большие расстояния, и, несмотря на опасность, возвращался домой практически к ночи. И чем реже становились эти вылазки, тем сильнее я видел, как его вера теряется. И недавно он должен был идти в город, чтобы искать в очередной раз сына и отца, но и сегодня он никуда не пошёл. Он утратил веру. Потому что Ван выглядит крайне мягким человеком, но со своим сыном он был чрезмерно твёрд. Практически каждый день все местные жители могли слышать их споры по всем вопросам. И именно поэтому сын Вана часто сбегал к дедушке, потому что его дед, а по совместительству мой хо-

роший друг, ведь мы вместе с ним служили в полиции, был крайне доброжелателен к внуку и поддерживал его во всём.

— Спасибо, что рассказали мне это, но почему вы захотели поговорить об этом со мной? Я не думаю, что Ван хотел бы, чтобы я знал об этом. А вы мне так легко об этом рассказали.

— Я знаю, Виктор, — отвернулся Чэнь Хао и начал смотреть куда-то вдаль, в окно, — что когда ты приехал в Китай, у тебя оставалась беременная жена в России. Скажи, почему ты не пробуешь вернуться в Россию, к семье? Ты утратил веру в то, что они живы, или есть другая причина?

Этот вопрос меня сильно озадачил. Конечно, я хочу вернуться к своей семье. Я долгое время прокручивал, как это сделать, но все ответы сводились к одному: а вдруг завтра мир снова наладится? Вдруг снова всё заработает, и я смогу вернуться!.. А вдруг завтра... И тут я понял, что имел в виду Чэнь Хао.

— Чэнь Хао, — ответил я, — я, кажется, понимаю, к чему весь этот разговор. Вы считаете, что мне пора уйти?

— Да нет же, глупый Виктор! — рассмеялся тихо Чэнь Хао, так что его мощный подбородок стал от смеха ещё больше. — Ты можешь здесь оставаться столько, сколько посчитаешь нужным. Мы уже не видим ни дня без тебя. Все к тебе привыкли. Ты многим помогаешь. Никто ничуть не пожалел, что ты теперь с нами. Я этот разговор не для этого начал, Виктор.

— А в чём же смысл, Чэнь Хао? Я не совсем понимаю...

— Виктор, я вот что хочу сказать тебе, — лицо его мгновенно вновь стало серьёзным. — Я просто вижу, как утасует Ван. Как он теряет веру и надежду на то, что найдёт своего сына и отца. Он планировал пойти в город, но просто передумал в последний момент. Сегодня я увидел сломленного человека, чья вера и надежда угасли абсолютно. И я не хочу увидеть то же самое и у тебя, Виктор. На это больно смотреть, когда человек осознаёт, что всё было зря. Что время уже не вернуть. Он меняется. А я Вана знаю практически с детства. И то, что с ним сейчас происходит, мне не совсем нравится. Так ответь же мне на вопрос, Виктор: почему ты не хочешь вернуться к своей семье?

Я уже понял, к чему клонит Чэнь Хао. Он знал, каким будет ответ. И я знал, какой будет ответ, ведь другого ответа у меня и нет.

— Я жду, что со дня на день мир снова станет прежним, и я смогу собраться и уехать домой.

— Ты можешь оставаться здесь сколько хочешь, — ответил Чэнь Хао, — мы тебе рады. Просто подумай на мгновение о том, что мир никогда не станет прежним, а пока ты сидишь и веришь, что всё изменится, возвращаться к семье станет уже слишком поздно. Ты знаешь, что я в прошлом работал в полиции. Я верил в доброту людей, которые звонили и сообщали о преступлениях. И несмотря на весь тот кошмар, который происходит в городе, который фактически раз-

делён уже на банды и где идёт борьба за ресурсы, я эту веру в доброту людей не утратил, хотя и вижу доказательства обратного. Это моя, как там сейчас говорят... профдеформация? Так же и ты. Ты инженер, который верит, что всё можно починить. Но сейчас мир настолько сильно сломался, что неизвестно, когда его «починят». И «починят» ли его вообще? Да мы даже не знаем, по какой причине это всё произошло! Что ещё совсем недавно мы были владельцами этой земли: владели всеми её ресурсами, имели сверхбыстрый интернет, быстрые машины, доступную еду, — а сейчас что? Ночью не можем в туалет сходить, не ударившись обо что-то из-за отсутствия света и электричества.

— Я, кажется, начинаю понимать, о чём вы, Чэнь Хао.

— Да, Виктор. Я хочу, чтобы ты руководствовался не верой, а действиями. Если ты когда-нибудь решишься отправиться в непростой и далёкий путь к своей семье, то ты только сообщи, и мы тебе поможем. Ты помог нам — это бесспорно, но мне куда важнее то, что ты когда-то спас Вана. Он мне дорог. Поэтому если тебе потребуется любая помощь от меня или от жителей в целом — ты знаешь, что мы всё сделаем для тебя.

— Хорошо, Чэнь Хао. Спасибо вам.

— И есть ещё кое-что, Виктор. Скажи мне, что произошло в тот день, когда вы встретились с Ваном? Только полную историю, а не ту, которую вы обычно рассказываете. Я откровенен с тобой сегодня, а ты будь откровенным со мной,

Виктор. Расскажи.

Я понимал, что меня прижали, и было бы глупо отрицать то, что произошло в том разграбленном магазине, где Ван случайно пристрелил бандита. Но как Чэнь Хао узнал о том, что там что-то произошло? Я немного растерялся, но и тут он увидел мои сомнения и добавил:

— Ты, наверное, хочешь спросить, как я понял, что вы с Ваном что-то скрываете? Потому что если я видел, как Ван теряет надежду найти сына и отца постепенно, день за днём, то вот после той экспедиции в город, когда вы с ним встретились, перемена в нём произошла мгновенная. Он стал раздражителен. И его жена говорит мне, что Ван не похож сам на себя. Что там произошло?

Я рассказал ему полную историю, как на нас напали бандиты и как Ван убил одного из них, хотя хотел только лишь напугать его, но промахнулся и попал бандиту прямо в голову.

— Спасибо, что сказал мне правду, Виктор. Я переживаю за Вана. И когда всё это безумие с электричеством началось, то именно отец Вана находился на дежурстве, хотя ему тоже давно пора было на пенсию, но он любил свою работу. Конечно, я старше отца Вана на десять лет, поэтому и раньше ушёл на пенсию, но я всё равно продолжал общаться с ним после выхода на пенсию. И так уж распорядилась судьба, что когда я ушёл на пенсию, то переехал в этот самый район, подальше от города. Вот как я здесь оказался. Пото-

му что город слишком сильно утомил меня. И не найдётся там никакого уголка, который бы не напоминал мне о моей работе. А я от этого устал. Поэтому я перебрался сюда, по совету отца Вана. Ну и его отец попросил, чтобы я периодически присматривал за Ваном, потому что Ван не общается со своим отцом. Это у них семейное, чёрт возьми. Дети не общаются со своими отцами. Это трагедия. Но когда отец не пытается найти общий язык со своими детьми, что тоже требует мастерства, то тут однозначно вина отца. Потому что отец не должен перекладывать ответственность за нормализацию отношений со своими детьми на самих детей. Отец должен в первую очередь быть заинтересован в том, чтобы его детям было комфортно с ним общаться. А у семьи Вана всё было всегда наоборот. Отцы ждали, когда дети признают в чём-то свою неправоту. И эти ожидания длились годами. По крайней мере, такая же ситуация была и у самого Вана с его отцом.

— Хорошо, но откуда у Вана оружие? Неужели это действительно пистолет отца Вана?

— Вот по этому вопросу я к тебе тоже пришёл, — сказал Чэнь Хао. — Когда Ван пришёл вместе с тобой, я заметил все эти изменения в нём: он был слишком тревожным. Я его таким никогда не видел. Сначала я подумал, что это из-за тебя он испытывает такую тревогу. Но нет, ты не был похож на человека, который мог бы как-то напугать Вана. Он точно не из пугливых. И тогда я первым делом пошёл проверять бо-

езапас пистолета. У нас с ним договорённость: оружие хранится у меня, но я отдаю его ему, когда он собирается в город. Я заметил, что одного патрона не хватает. Я понял: что-то произошло. Когда я обратился к Вану за пояснениями, он говорил, что это я ошибся в расчётах и что боезапас таким и был, когда он уходил в тот день, когда вы с ним встретились. Я знал, что он обманывает. Но я не хотел знать всей правды о том, куда попала пуля. Поэтому всё ждал, когда ты или он сам признаешься, что произошло.

Тогда он сделал небольшую паузу и продолжил. Я слышал, как каждое предложение ему даётся всё тяжелее:

— Дело в том, что когда весь этот хаос начался, то я решил отправиться в город на следующий день вместе с Ваном, чтобы понять, что вообще произошло. Потому что у нас тоже пропала любая связь и электричество. Ван тогда пришёл ко мне в дом с просьбой съездить с ним в город, а я не мог ему отказать. Мы вышли на остановку, но автобуса не было. Я прождал час и уже понимал, что он не придёт, — просто не хотел говорить этого Вану вслух. Тогда мы решили пойти в город пешком. По пути нам встречались машины и люди. Люди недоумевали, почему их машина не заводится. Они так и стояли, пытаясь куда-то дозвониться. Но телефон их тоже не работал. В итоге, когда мы заходили в город, то просто были в шоке от того хаоса, который там происходил. Я уж не буду тебе это всё рассказывать, Виктор, ты тогда и сам был в центре событий. Первым делом мы с Ваном отправились

в квартиру его отца — но поняли, что его дома нет. Тогда мы направились в полицейский участок — заодно попробовать узнать что-нибудь и о его сыне. И когда мы туда добрались, нас не стали даже слушать: настолько всем там было не до нас. Но я встретил человека, с которым был знаком. И знаешь, я всегда больше доверял бумаге, чем технике. И бумага нам помогла. Этот человек пошёл смотреть журнал, в котором полицейские расписывались, когда получали оружие и служебный автомобиль. И так мы выявили, что отец Вана действительно был на дежурстве. Но оставался вопрос — а где нам его найти? И тогда бумага снова нас спасла. Мы нашли график дежурств и определили район, в котором должен был находиться отец Вана.

Я уже понимал, что хорошего финала в этой истории не услышу. Чэнь Хао говорил не со мной — он как будто вёл диалог сам с собой, смотря в окно.

— И когда мы добрались до нужного нам района, — продолжил рассказывать он, — то искали полицейскую машину, в которой должен был производить патрулирование отец Вана. И знаешь, долго нам искать не пришлось. Спецтранспорт на то и спецтранспорт, что он сильно выделяется на фоне остальных машин. Подошли мы к ней уже после полудня, светло было, всё видно до последней трещины на асфальте. Отца Вана в машине не было. Водительская дверь просто открыта настежь. Она так и стояла посреди улицы, как встали в тот вечер все машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.